

Был обычный сентябрьский вечер. Жители спального района «Солнечный» возвращались с работы, покупали в супермаркете продукты, выгуливали собак, катали на качелях детей. Торопились на свидания, делали моцион, выносили мусор в разноцветные дворовые контейнеры. И только жильцы трёх соседних домов на улице генерала Ватутина, как вкопанные, стояли во дворе, задрав головы вверх. Взволнованные люди снимали на мобильные телефоны парня, сидящего на краю крыши крупнопанельной девятиэтажки с цифрой шестнадцать на фасаде. Молодой человек расположился на самом углу дома, его ноги, обутые в светлые кроссовки, болтались в воздухе.

По двору рыскали репортёры городского телевидения, снимая прибывших на место происшествия полицейских, припаркованные у подъезда машины экстренных служб, колоритного майора в синей форме сотрудника МЧС. На шее у мужчины болтался бинголь. В левой руке он держал рацию, в правой — прижатый к уху сотовый телефон.

— Докладывает майор Баженов, — басил он в трубку. — Мы на месте... Прыгун, товарищ полковник... Парень лет двадцати-двадцати пяти... Сначала стоял на краю крыши, сейчас сидит, спустив ноги вниз... Территория у дома оцеплена, зеваки и папарацци удалены на безопасное расстояние, во дворе дежурят полиция и «скорая»... Ничего не требует. наших и смежников не подпускает — грозит прыгнуть. Пришлось вызвать Зайко... Надеемся, товарищ полковник... У Зайко из двенадцати операций вся дюжина завершилась успехом... Так точно, товарищ полковник, буду держать вас в курсе.

Баженов закрыл автомобиль и решительным шагом двинулся к подъезду соседней многоэтажки.

В это время на крыше шестнадцатого дома появилась девушка, невысокая, худенькая, рыжеволосая, с веснушками, щедро разбрызганными по всему лицу. Одета она была в джинсы и клетчатую куртку с капюшоном. На ногах — высокие шнурованные ботинки-гриндерсы, на голове — красная вязаная шапка-петушок.

Девушка приблизилась к парню на безопасное расстояние. Тот сидел на невысоком ограждении крыши, придерживаясь правой рукой за ночной сигнальный фонарь, предназначенный для предупреждения пилотов о наземном препятствии. На крыше было довольно ветрено. Поёжившись от холода, девушка набросила на голову капюшон.

— Красота-то какая! Я тоже люблю смотреть на город глазами птиц, — произнесла она простуженным голосом, глядя на открывающуюся взору панораму. — Незабываемое ощущение безмятежности... Будто ты паришь над людской суетой, над низменными страстями, над своими проблемами, и вопрос «быть или не быть?» решается сам собой.

На звуковой раздражитель парень не реагировал. Сидел, ссутулившись, онемевший и окостеневший, словно нахохлившийся голубь.

— Некошерно получается. С тобой барышня разговаривает, а ты к ней спиной повёрнут и молчишь, аки дворник Герасим, — обиженно заметила девушка. — Раз уж сидишь на моём месте, давай знакомиться. Меня Женькой зовут. Для друзей — Жека Рыжик. Это — моё дворовое прозвище и никнейм в социальных сетях.

Молодой человек даже ухом не повёл. Расстояние между ним и Женькой в этот момент составляло миллион парсеков.

Выразительно вздохнув, Рыжик села по-турецки на потрескавшийся от времени рубероид, достала из кармана пачку сигарет и телефон, положила их рядом.

— Алё, чел, ты сейчас где?

Нервно дёрнув плечом, парень полуобернулся. Его лицо было безжизненным и серым, как посмертная маска, а глаза... глаза принадлежали человеку, не способному испытывать какие-либо эмоции. Он смотрел на девушку как из другого измерения, устало и равнодушно.

— Малая, ты кто? — разлепил он наконец побелевшие от напряжения губы.

— Жека Рыжик, — дружелюбно повторила та. — А как зовут тебя?

— Ну, положим, Антон, — едва слышно прошепел тот.

— Ооо, да ты едва бельмесишь! Бухой, что ли?

— Не-а.

— Обдолбался и пробуешься на роль Икара?

Парень отрицательно замотал головой.

— Психушатник с осенним обострением?

— Нннет.

— А чё ж ты тогда народ будоражишь? Внизу толпа собралась с биноклями и айфонами. В доме напротив зрители залипли на подоконниках с тазиками попкорна. Телевидение вон подъехало — у них новостной план горит. Криминальные репортёры со всего города сбежались. Все ждут зрелища, а ты задницей крышу греешь. Давай рыбкой вниз. Не заставляй людей нервничать.

На шее Антона вздулась вена толщиной в палец. Глаза приобрели осмысленное выражение. Кадык судорожно задёргался. Парень мазнул по Женьке взглядом, наполненным злостью и раздражением. Это были его первые живые эмоции за последние сутки.

— Что пристала, как репей к собачьей заднице? — катнул он желваками по скулам. — Иди отсюда!

— А то чё? Вычеркнешь меня из завещания? — рассмеялась девушка. — Ты эту крышу не приватизировал. У тебя, кста, огнива нет? Своё я где-то посеяла.

Антон достал из кармана толстовки фирменную ZIPPO с изображением аллигатора и бросил её через плечо.

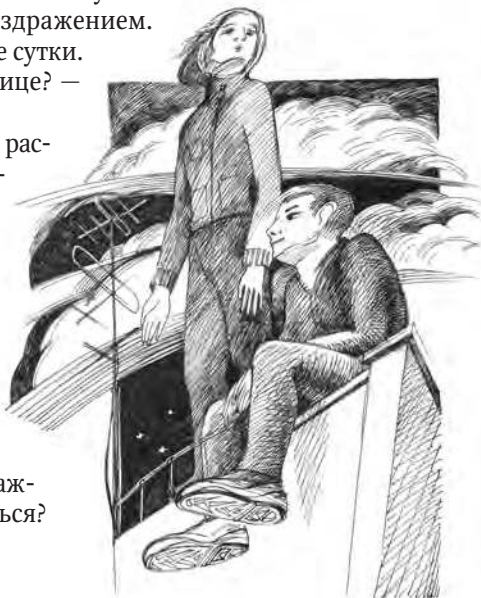
— Дарю! Мне она больше не понадобится.

Женька поймала зажигалку в воздухе. Выбила из пачки сигарету. Прикурила.

— Согреюсь немного. Замёрзла, как зюзик.

Второй месяц не могу из бронхитов выломиться, — пожаловалась она Антону, сморкаясь в бумажную салфетку. — А ты чё, всерьёз решил выпилиться?

Парень тягуче сплюнул вниз.

— Серьёзное не бывает...

Гипнотический взгляд девушки прилип к его затылку. Женька мысленно прико-
лывала Антона к краю крыши большими кровельными гвоздями.

— У тебя кто-то умер? — тихо поинтересовалась она. — Ты болен СПИДом? Рак
в последней стадии? Тюремный срок корячится?

— Всё мимо, — шумно задышал молодой человек.

— Неужели девочка бросила? — с иронией в голосе произнесла Женька.

— И это тоже... Как ты сюда пробралась? Здесь же менты кругом?

Рыжик сделала глубокую затяжку и с детским интересом проследила за кольцами
дыма, плавно уплывающими к небесам.

— Через соседний подъезд. Я там живу. У нас дверь на технический этаж откры-
вается любой шпилькой.

— Ну, и чего ты от меня хочешь, Рыжик, или как тебя там?

— Дык фоточки хочу запилить в свой блог. Подборку под названием «На краю
стою». У меня уже десять тысяч подписчиков. Было бы больше, но я честный блогер —
не практикую мёртвых душ, ботов, накруток и покупок, как это делают другие. Если
не возражаешь, я сделаю селфи.

Не дожидаясь согласия парня, Женька повернулась к нему спиной, вытянула руку
вперёд, щёлкнула мобильником.

— Фигово вышло, — расстроилась девушка, рассматривая снимок. — В кадр попала
ремонтная лебёдка, да и ты здесь какой-то странненький. Я тоже вышла, как белка, объ-
евшаяся горохом. Давай ещё раз. Улыбнись такой пронзительной прощальной улыб-
кой... Нет, не так. Это — жалкая гримаса труса, никчёмно профукавшего свою жизнь.
Улыбнись, как герой, идущий на вражескую амбразуру. И отодвинься от края — ноги
в кадр не входят. Знаешь, сколько народу будет разглядывать твои последние фотки,
включая эту? Тьма! И среди этой тьмы — твоя бывшая пассия. Как её, кстати, зовут?

Повисла звенящая пауза. Воздух наполнился невидимыми флюидами: Женька мерилась
силами со Смертью. Этот раунд выиграла она — Антон подчинился. Спустя пару секунд он
уже сидел не на ограждении, а на сто лет не видевшем ремонта битумном покрытии. Парень
вытянул вперёд худые длинные ноги, скрестил на груди руки, склонил голову к левому плечу.

Женька тут же приняла идентичную позу и стала выдувать сигаретный дым сквозь сви-
сающую на глаза щёлку. Так они и сидели какое-то время, молча рассматривая друг друга.

— Светка, — произнёс вдруг Антон.

— Что, Светка?

— Подругу мою бывшую Светкой зовут... Мы жили вместе... Она ушла от меня...

Женька потянулась за новой сигаретой, приготовившись к долгому разговору.

— Самоубиться из-за бабы? — покачала она головой. — Я фигею в этом зоопарке...

— Не только из-за бабы, — стал оправдываться парень. — Я ещё работу потерял... и квар-
тиру, которую государство дало мне после детдома... и деньги... В общем, всё, что у меня было.

Во взгляде девушки, убеждённой в том, что девять из десяти проблем разрешают-
ся путём их простого игнорирования, читалось искреннее удивление.

— Подозреваю, что моими предками были шаманы, — задумчиво произнесла она. —
Уж очень хочется дать тебе в бубен.

Антон вдруг обмяк, словно из него вынули продольный стержень. Ноздри парня
завибрировали, потухшие очи стали излучать свет. Он смотрел на Женьку глазами
олёнёнка Бэмби, столкнувшегося с суровыми законами борьбы за выживание.

«А ещё говорят, что детдомовские успешно преодолевают трудности, и им по пле-
чу любые преграды... Ложные стереотипы», — подумала Женька, разглядывая про-
плывающие над головой облака.

— Слышишь, как потрясно свежестью пахнет? — бросилась она в омут импровизации. — Это — озон. Значит, быть осадкам.

Спустя минуту с серого неба заморосил противный мелкий дождик.

— Бегом сюда! — махнула Рыжик Антону, перемещаясь под небольшой козырёк надстройки для лифтового оборудования.

Парень автоматически выполнил команду, усевшись на корточках рядом с девушкой. В схватке со Смертью Рыжик выиграла ещё одно очко.

— Курить хочешь? — подняла она вверх зажжённую сигарету.

— Бросил. Вредные привычки нищелюду не по карману, — изрёк Антон и тут же прикинул к никотиновой палочке, как аквалангист к шлангу. — Сама бросить не пробовала?

— С вами бросишь...

— С кем это, с нами?

— С мужиками, с кем же ещё... Проблемные вы очень, — проворчала Женька, закуривая новую сигарету. — Давай рассказывай, что у тебя стряслось.

Сделав глубокую затяжку, Антон приступил к исповеди.

— Мы со Светкой хотели пожениться, на Мальдивы полететь, машину купить, мебель итальянскую... Квартира у нас уже была... Вот...

Парень волновался, путаясь в своих мыслях, как в чужой одежде. Пальцы, сжимающие сигарету, заметно дрожали. В глазах застыло выражение беспредельного отчаяния.

— ...Я работаю электромонтёром, зарплата не аховая, а Светка хотела всё и сразу. Вот я и впился в блудняк из-за быстрых денег... Прогорел... Ну, *как* прогорел — подставили меня... Потом стали вымогать деньги за испорченный товар...

Молодой человек нервно сглотнул, на его глаза навернулись слёзы.

— ...поставили меня на счётчик, пообещали убить. Пришлось кредит взять под залог квартиры. Пока выяснял отношения с отмороженными на всю башку братками, Светка заявила, что такой головняк ей не нужен. Что *нормальные* девушки не связываются с парнями, у которых проблем больше, чем у них самих. Слиняла, в общем... Квартиру мою банк забрал за долги. С работы вытурили за прогулы — я ведь метался, как муха в кипятке, надеясь малой кровью решить финансовый вопрос...

Антон будто прорвало. Он говорил и говорил без умолку. Рассказывал, как искал своих беспутных родителей. Как пытался продать почку, чтоб рассчитаться с долгами. Как искал выходы на французский Иностраннный легион и ЧВК Вагнера*. И как ему везде не везло.

Женька вся превратилась в слух. От её сигареты на джинсы падал пушистый пепел, но девушка этого не замечала, проникаясь проблемами парня, сочувствуя его неудачам, переживая его ошибки.

— Как бы мне хотелось сейчас проснуться в десятилетнем возрасте и узнать, что вся эта сегодняшняя фигня мне просто приснилась, — прошептал Антон дрожащими губами. — Из моей ситуации просто нет выхода...

— Ты повержен? Тебя уложили?

Не печалься, подумай сперва:

Даже, если б тебя проглотили,

Выход есть, скажу больше — их два!!! — процитировала Рыжик неизвестного оптимиста. — Ты думаешь, у *меня* все тип-топ? Да ни фига! Тоже... сплошное получение полезного опыта. Я, хоть и не детдомовская, но нахлебаться все равно успела... Когда мне и шести лет ещё не было, папашка мой улетел опылять другой цветник. Мама тогда сильно заболела. С тех пор из больниц не вылезает... Невезучая я. Ни тебе крепкого здоровья, ни финансовой удачи, ни мужика нормального рядом... Когда мой парень

* Неофициальное вооружённое формирование, участвующее в боевых действиях за деньги.

променял меня на дочку своего босса, я тоже хотела сделать выпуль. Знаешь, что мне помешало? Внешний вид моей тушки, размазанной по асфальту, и верблюд.

Антон взирал на девушку в тупом недоумении, но приставать с расспросами постеснялся.

— Так вот, я тогда живо представила себе новостной сюжет, в котором мои бранные останки отскребают от земли совковой лопатой, рассуждая при этом о причинах столь небогоугодного поступка. Высказывают предположения о том, что я страдала психическими расстройствами и, возможно, злоупотребляла психоактивными веществами. И весь этот бред слышат мои родственники, сослуживцы, соседи, недруги, предавший меня парень. Слышат и — одни крутят пальцем у виска, другие злорадствуют, третьи получают подтверждение своей правоты — мол, хорошо, что вовремя дистанцировались от меня, идиотки. Вот я и решила не доставлять им удовольствия.

— А верблюд? — не удержался всё-таки Антон.

— Это — идея-фикс с самого раннего детства. Я никогда не каталась на верблюде. Думала, вырасту, начну зарабатывать, поеду отдыхать в Египет, на крайняк, в Каракумы. Взгромозжусь на корабль пустыни — аккуратно между горбами — и поплыву... Прикинь, до сих пор не насобирала не то, что на Египет — на очень среднюю Азию... Ну, как можно подохнуть, не осуществив детскую мечту?

В глазах девушки заблестели слёзы.

— Вот скажи мне, — ухватила она парня за рукав, — я что, много от жизни хотела? На верблюде покататься! Не на драконе огненном, не на динозавре-трицератопсе, не на жар-птице сказочной... На обычном вонючем верблюде, — всхлинула Рыжик, выбрасывая свой окурочок в вентиляционный «грибок» шахты мусоропровода.

Крупные слёзы текли по её лицу, срываясь и падая вниз. Антон, молча, гладил Женьку по тоненькой, как прутик, руке, не зная, как отвлечь её от горьких мыслей.

— Что это у тебя за татуха такая? — нашёлся он наконец, узрев на запястье девушки «браслетик», состоящий из двенадцати пятиконечных звёздочек.

— Да так... — замаялась Женька, одёргивая вниз задравшийся рукав. — Бортовая статистика.

Антон сделал брови домиком. Пришлось объяснять.

— Советские лётчики в годы Великой Отечественной войны отмечали свои воздушные победы пятиконечными звёздочками на бортах самолётов. Вот и я подобным образом фиксирую свои победы... на любовном фронте.

— Это... за какой период?

— За последние два года.

Антон превратился в экспонат музея восковых фигур.

— Ничего себе! — выдохнул парень, у которого до Светки не было никого, если не считать, одноклассниц, отношения с которыми ограничивались поцелуями под лестницей. — Че ж ты тогда жалуешься на отсутствие мужика?

— Я сказала НОРМАЛЬНОГО мужика, — уточнила Рыжик. — С которым можно не только в койке кувыркаться, но и строить долгосрочные отношения. Говорю же — невезучая. Таким, как я, только и остаётся что ловить дзен на крыше.

— Кого на крыше ловить? — вытаращил глаза Антон.

— Дзен. Отрешённость от бытовых мелочей и погружение в себя.

Размер глаз собеседника не только не уменьшился, но и несколько увеличился. Этот факт заставил девушку проявить гуманизм.

— Когда мне становится совсем хреново, я прихожу сюда с ковриком для йоги, взбираюсь на надстройку для лифта, сажусь в позу лотоса и ору, — перевела она предыдущую фразу на доступный парню язык.

— В смысле, орёшь? На кого? — не понял тот.

— На врагов-предателей. На жизнь фиговую. На эту загаженную крышу, мать её. За бугром на таких крышах сады выращивают, помогая природе перерабатывать CO_2 в чистый воздух, а у нас это — кладбище тросов, лебёдок, самопальных антенн, элементов оборудования «времен Очаковских и покоренья Крыма». Ну, как тут не орать?

— И что, помогает?

— Можешь не верить, но продолжительный крик даёт мощный эффект: снимает стресс и напряжение, приводит эмоции в равновесие. Давай попробуем вместе.

По небу продолжали плыть серые клочки облаков, но дождика уже не было. Ветер тоже угомонился. Зацепившись за край небосклона, закатное солнце перечёркивало горизонт узким красным лезвием.

Женька с Антоном взобрались на лифтовую надстройку, взялись за руки и стали кричать. Громко, яростно, истерично, от всей души. В два голоса они бранили своих недругов, депутатов, соседей, коллег, начальство, друг друга... Молодые люди сквернословили, рычали, как сумасшедшие, протяжно выли: «Ааааааааааа! Ууууууууу! Ооооооооо! Ыьыыыы!»». Когда был испущен последний крик, оба почувствовали невероятное облегчение, спокойствие и умиротворение. Подобные ощущения испытала и соседняя многоэтажка, сотнями стеклянных глаз наблюдавшая за приступом безумия чудаковатой пары.

— Ну, что, дружок, отпустило? — подморгнула Женька парню. — Спускаемся потихоньку вниз?

— Мне некуда идти, — развёл тот руками.

— Есть! — уверенно произнесла девушка. — Сейчас ты отправишься в городской кризисный центр, где тебя обеспечат кровом и питанием, окажут медицинскую и психологическую помощь. Поддержат, помогут с поиском работы. Среди друзей по несчастью проще найти новых приятелей, встретить новую любовь... По рукам?

Тишина завибрировала, как натянутая струна. Доли секунды показались Женьке вечностью. Если бы существовали приборы, измеряющие человеческое напряжение, в этот момент все они зашкалили бы одновременно...

— По рукам! — признала Смерть своё поражение, и парень двинулся к выходу. Там его уже ждали двое мужчин в синей форме с золотыми шевронами.

— Кто это? — обернулся он к Женьке, все ещё восседающей на лифтовой надстройке.

— Чип и Дейл, — абсолютно серьёзно ответила та. — Они о тебе позаботятся.

Последней крышу покинула Евгения Зайко, психолог Центра экстренной психологической помощи МЧС. Спускаясь по лестнице тяжёлым, забивающим свай шагом, девушка не могла унять отходняковую дрожь. У неё кружилась голова, першило в горле, бешено колотилось сердце — она панически боялась высоты.

Во внутреннем кармане куртки вдруг забулькала рация. Женька обессилена присела на ступеньку.

— *Альфа, это Зайка. Приём,* — засипела Рыжик окончательным сорванным голосом.

— *Зайка моя, это* — высший пилотаж, — восхищённо пробасил майор Баженов. — Набивай на свой фюзеляж тринадцатую звёздочку.

